An excerpt from the paper by Peter Gatrell

Питер Гэтрелл,
исторический факультет университета г. Манчестер

Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны.

«О чем тут плакать, когда вокруг так много интересного?»[1]

«А как беженцы живут на местах? Голодают, ходят голыми, живут в кошмарных условиях и в такой нищете, что гонят жен и дочерей на панель»[2]

«История, которая могла бы начаться и в другом месте»[3]

Настоящая статья - часть более обширного труда, посвященного проблемам перемещенных лиц, беженства и распределения социальных ролей в период Первой мировой войны[4]. Я предлагаю ее к опубликованию, с одной стороны для того, чтобы спасти от неслыханного исторического забвения миллионы беженцев – мужчин, женщин и детей, а с другой – как скромную попытку обратить внимание историков на Первую мировую войну в России с точки зрения проблемы полов. Многое из того, что я собираюсь здесь рассказать, естественно, связано с вопросом о последствиях беженства для женщин. Но я также попытаюсь обратить внимание и на то, как в какой степени в период беженства оказались важными понятия свойственного и несвойственного поведения с точки зрения традиционных мужских и женских социальных ролей и поведенческих норм.

В этой связи необходимо сделать несколько предварительных замечаний о нашем подходе к проблеме Первой мировой войны в России. Я, безусловно, надеюсь, что историки воспользуются возможностью открыть для себя неизвестные рассказы времен войны – рассказы, которые ускользнули от их внимания из-за повального увлечения поиском «факторов» революции 1917 года. Для этого необходимо изучить рассказы людей, которых невозможно с легкостью поместить в привычную схему организованных общественных сил (рабочий класс, крестьянство, и т.д.), и которые «не входят» ни в какие организации (политические партии, профсоюзы, и т.д.), преследующие цели общественного и экономического переустройства. Беженцы, без сомнения, несправедливо обойдены вниманием исследователей. Они не поддавались, да и сейчас не поддаются попыткам «разложить» людей по установленным категориям. Так куда же их следует относить? Как перемещенные лица они не вписались в такие параметры, как класс или род занятий, и в результате оказались сваленными в одну категорию. Но их «проблема» для государства и общества состояла не только в их огромном количестве и тяжелом материальном положении; сама пограничность их статуса ставила в тупик и политиков, и специалистов, и простолюдинов - всех, кто пытался определить место беженцев в традиционной социальной иерархии[5].

Не менее трудная задача встанет и перед тем, кто решится написать исследование по истории российских женщин периода Первой мировой войны, исследование, необходимость в котором уже давно назрела. Работы, посвященные сестрам милосердия, секретаршам, работницам промышленных предприятий и труженицам сельского хозяйства, дали бы нам возможность поразмышлять о военном опыте России в общеевропейском контексте. Вместе с тем, не следует думать, будто подобные работы могли бы «заполнить все пробелы». Исследователи-феминисты показали, что «проблема», на которой должно сконцентрировать

---

[1] Е. Шведер, “Беженцы: рассказы из великой войны”, 1915 г., с. 11
[2] “Труды внеочередного Пироговского съезда», Москва, 1916 г., с. 62
[3] Sally Alexander, Becoming a Woman and Other Essays in Nineteenth and Twentieth-Century Feminist History? Virago, London, 1994, p. 234
[4] “A Whole Empire Walking”: Refugees in the Russian Empire during the First World War, находится в печати.
[5] Peter Gatrell, “Refugees in the Russian Empire, 1914-1917: population displacement and social identity”, in Edward Acton, Vladimir Cherniaev and William Rosenberg, eds., Critical Companion to the Russian Revolution, Arnold, London, 1997, pp. 554-564. Согласно Волкову, к началу 1917 года общее число беженцев могло составить немногим более 6 миллионов. Е.З. Волков, «Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет», Москва, Госиздат, 1930 г., с. 71-71.

внимание, это военный опыт страны с точки зрения распределения социальных ролей полов[6]. Если история предшествующих войн четко делится на чисто мужской опыт на поле брани и опыт женщин, пассивно дожидавшихся своих мужчин в тылу, то современные войны разрушили эту бинарную оппозицию. В 1914-1918 гг. женщины служили на фронте, например, сестрами милосердия и санитарками, выхаживали раненых для фронта, или помогали им преодолевать физические и психические увечья. Изменения в распределении ролей между полами проявились и в другом. Для женщин, ставших работницами оборонных заводов, новые обязанности (иногда сопряженные с опасностью) означали серьезную перемену в жизни. Они давали им больше самоуважения и уверенности в себе и открывали дверь в мир, по традиции принадлежавший мужчине[7]. Еще больший удар по традиционному взгляду на различия между полами наносят выводы, разрушающие миф о суровой мужественности фронта, который, как утверждается, подвергался феминизации через чувства «глубокого страха, дезориентации, и апатии». Типичное проявление этого состояния – контузия, которую в этих исследованиях описывают как мужскую истерию. Таким образом, не только женщины, пришедшие работать на заводы, «стали походить на мужчин», но и солдатам случалось «становиться похожими на женщин». По выражению Элен Шоуволтерс, «это самое мужское из всех предприятий, война, «апокалипсис мужественности», феминизировала своих солдат, отбирая у них уверенность в себе»[8].

Несколько важных последствий для представления о распределении ролей между полами в последние годы Российской империи имел состав беженцев. Хотя большинство исследователей обходят этот факт своим вниманием, среди беженцев было относительно немного здоровых мужчин, так как остальных уже успели призвать в армию. В итоге, с первых же дней их превращения в перемещенные лица, в среде беженцев автоматически вступили в действие патриархальные формы подчинения. Забота о насущных потребностях беженцев легла на плечи взрослых женщин, причем многие беженцы были полностью на их иждивении.

Война также открыла новые возможности и женщинам другого, более привилегированного класса. Женщинам с образованием, которые к тому времени уже начали прокладывать себе дорогу в общественную жизнь (цензовое общество), представилась возможность взять на себя особую обязанность – заботу о беженцах - мужчинах, женщинах и детях, хлынувших во внутренние губернии России. Выполнение этого нового долга еще более укрепило их положение в обществе, уже значительно выросшее после того, как они вошли в сферу военной медицины[9]. Коль скоро в сферу обязанностей женщины вошло лечение и уход за ранеными, отсюда было рукой подать и до ответственности за помощь другим жертвам войны.

---

[6] Следующие исследования о войне с точки зрения вопросов пола показались мне особенно полезными и возбудили мой интерес к проблеме: Margaret R. Higonnet et al., eds., Behind the Lines: Gender and the Two World Wars, Yale UP, New Haven, 1987; Miriam Cooke and Angela Woollacott, eds., Gendering War Talk, Princeton UP, Princeton, 1993; Klaus Theweleit, Male Fantasies, Polity Press, 1987; работы по общим проблемам истории войны: Cynthia Enloe, Does Khaki Become You? The Militarization of Women's Lives, Pluto Press, London, 1983; а также Nina Yuval-Davis, Gender and Nation, Sage, London, 1997, особенно глава 5.

[7] Мужчины, естественно, с трудом привыкали к появлению женщины-работницы. Один английский журналист писал: «к сверкающим головкам снарядов девушки относятся, как к младенцам – столь велика их гордость за свою работу, выполненную с величайшим старанием». Цитата из Angela Woollacott, On Her Their Lives Depend: Munitions Workers in the Great War, U.Cal. P., Berkeley, 1994, p. 213. См. также Ute Daniel, War From Within: German Women in the First World War, Berg, Oxford, 1995; R. Wall and J. Winter, eds., The Upheaval of War: Family, Work and Welfare in Europe, 1914-1918, CUP, Cambridge, 1988; Ann Summers, Angels and Citizens: British Women as Military Nurses, Routledge, London, 1988; Anne Bravo, "Italian peasant women and the First World War", in Paul Thompson, ed., Our Common History: The Transformation of Europe, Pluto Press, London, 1982, pp. 157-170.

[8] Elaine Showalter, The Female Malady: Women, Madness and English Culture, 1830-1890, Virago Press, London, 1987, p. 173; см. также Eric Leed, No Man's Land: Combat and Identity in World War One, CUP, Cambridge, 19179.

[9] О сестрах милосердия во время войны см. в: Alfred G. Meyer, "The impact of world war on Russian women's lives", in Barbara E. Clements, Barbara A. Engel, and Christine D. Worobec, eds., Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation, University of California Press, Berkeley, 1991, p. 220. Интересно сопоставить роль женщин как сестер милосердия с их «традиционной» ролью деревенских целителей. См.: Rose L. Glickman, "The peasant woman as healer", in ibid., pp. 148-162.

Громко звучавшая в обществе озабоченность проблемой сохранения семей (главная тема всех рассуждений о беженстве) также способствовала приходу женщин в общественную деятельность. Именно потому, что так остро стоял вопрос о разрушении и восстановлении семьи, женщины добились права на участие в решении этой проблемы[10]. Проблемой того же плана были уход и забота о сиротах, нуждавшихся в особой опеке. Все это не могло не привести к формированию целого набора специфических женских обязанностей в обществе, часть которых не имела прецедента в истории Российской империи[11].

Помимо введения в круг общественных функций женщин заботы о здоровье, безопасности и моральном благополучии беженцев, происходили и другие перемены в их статусе. Преобладание женщин среди беженцев имело глубокие последствия для общественного положения женщин, как, впрочем, и мужчин тоже. По традиции, масштабы женской миграции в города значительно уступали мужской, хотя в начале века в этой ситуации и наметились некоторые подвижки. Война же сломала последние преграды свободному перемещению женщин, выгнав их из домов и вынудив не только взвалить на себя новые семейные обязанности, но и занимать все новые, ранее закрытые для них общественные ниши. Вместе с тем, проводя сравнение между довоенной миграцией и движением перемещенных лиц во время войны, нужно быть особенно осторожным. Как показывает Барбара Энгел, крестьянки, которые до 1914 года бросали свои наделы и уходили в город, освобождались тем самым (хотя и не навсегда) от ограничений патриархального уклада крестьянской жизни. Эта довоенная ситуация изменилась самым кардинальным образом, когда быстрое развитие военной промышленности расширило рост вакансий в городах. Положение же беженок, которые зачастую были вынуждены кочевать вместе с зависящими от них домочадцами, было совершенно иным. Беженство не давало им нового ощущения свободы, связанного с переменой мест, а скорее наоборот, лишний раз напоминало об их «домашних» обязанностях, только в условиях нового, бесправного существования. Вдобавок война разрушила традиционные крестьянские институты, вырвав мужчин из установившейся сельской общины, которая, в большей или меньшей степени, гарантировала им ведущую роль. Война заставила беженцев, во имя выживания, искать новый баланс социальных ролей, в котором женщины получили возможность самим определять свои социальные и экономические обязанности. И в пути, и в лагере для беженцев отсутствовали готовые социальные институты, которые работали бы на сохранение патриархального уклада. Отсюда - вопрос: как беженство отразилось на борьбе женщин за гражданские права, приблизило или отдалило конечную цель?[12]

С осторожностью нужно подходить и к вопросу о женщине и ее возросшей мобильности. До войны крестьянка сохраняла прочную связь с домом независимо от того, сидела она на месте или покидала деревню в поисках заработка. В 1915 году эта связь была грубо прервана. Вынужденная миграция постоянно напоминала женщине о различных аспектах ее домашних обязанностей, которые придают определенное значение ее жизни. Возможно, что отсутствие постоянного очага, крыши над головой, бюрократизованная благотворительность вызывали у нее чувство стыда и утраты. Но беженки, как правило, не спешили делиться собственными эмоциями, и историку очень трудно о них говорить. Исключение составляют минуты сильного горя, о которых, кстати, мы также узнаем не от самих беженцев, а от сторонних наблюдателей. Может быть оттого, что судьба беженца постигла не их одних, а массы людей, им было легче ее переносить? Как бы то ни было, только очень грубое сравнение женских домашних обязанностей с «угнетением» может позволить говорить о беженстве как о некоей форме освобождения. И нужно быть совершенно слепым, чтобы не обратить внимания

---

[10] В этой связи уместно напомнить, что образ «матушки Руси» часто служил символом, побуждавшим общество к благотворительности. Например, «Московские ведомости» (No 234 от 11 октября 1915 г.) писали: «середина России по-матерински прижала к груди разрушенные окраинные земли». О женщинах в общественной сфере см. труды Ричарда Стайтса (Richard Stites) и Линды Эдмонтон (Linda Edmonton).

[11] Полномасштабного исследования роли образованных женщин в России времен первой мировой войны нет. В качестве краткого введения в проблему см.: Meyer, “The impact of world war one”. См. также рассуждения Leonore Davidoff и Catherine Hall, приведенные в: Geoff Eley, «Nations, publics, and political cultures: placing Habermas in the nineteenth century», in Nevill Dirks, Geoff Eley and Sherry Ortner, eds., Power, Culture, History, Princeton University Press, Princeton, 1994, pp. 297-335. Квалифицированное описание роли женщин в благотворительной деятельности до войны содержится в: Adele Lindenmeyr, Poverty Is Not A Vice, Princeton UP, Princeton, 1995, pp. 13-16, 125-129.

[12] Barbara Engel, Between the Fields and the City, CUP, Cambridge, 1994.

на ту постоянную усталость, которую испытывали женщины от неустанных забот о членах своих семей[13]. Мы имеем право с подозрением относиться к рассуждениям современников-мужчин о «верности» жен и матерей. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов и то, что многие беженки, вероятно, действительно испытывали чувство гордости от того, что взваливали на себя дополнительные обязанности, хотя в условиях беженства право выполнения этих обязанностей покупалось очень дорогой ценой.

Эти вопросы не исчерпывают всех аспектов воздействия беженства на распределение социальных ролей между полами. Чтобы проникнуть в процесс распределения ролей между полами в довоенной России, нужно задавать другие вопросы. Рассказы о неустроенной жизни и лишениях беженцев различия между полами не делают. Проблема принадлежности к тому или иному полу или классу часто растворялась в более общей проблеме беженства. Акцент на особенностях пола делался лишь тогда, когда речь заходила о необходимости защитить женскую добродетель, о выполнении женщиной обязанностей матери и хранительницы очага, или когда требовалось привлечь внимание к неустойчивой женской психике[14]. Что касается мужских ролей, то мне встретилось очень немного прямых ссылок на эту тему. Частично, как уже было сказано ранее, в этом виноват специфический половой состав беженцев, в котором со значительным отрывом преобладали женщины. Но тема мужских ролей замалчивалась и из других, более тонких соображений. Подобная сдержанность могла быть сознательным приемом, используемым для того, что бы набросить завесу молчания на факт демаскулинизации мужской части беженства. Одно дело описывать жертву-беженку, и совсем другое – мужчину. Подчеркивать его пол означало заострять внимание на его и беспомощности и неудачах. Мужчина-беженец, по определению, не сумел сохранить собственную семью и обеспечить пропитание ее членов. Он зависит от подачек благотворительных организаций. Изобразить его в качестве невинной и беспомощной жертвы - значит, приравнять к представительницам противоположного пола. Подобно контуженому солдату, мужчина-беженец «терял мужское лицо»[15].

Рассказы русского натуралиста Евгения Шведера демонстрируют кое-какие особенности распределения социальных ролей по признаку пола среди беженцев[16]. Но они не касаются деликатной темы мужской беспомощности - совсем наоборот[17]. Вот беженка, страшно волнуясь, рассказывает, как потеряла все, что у нее было, даже любимого кота. Ее прошлое трагично, будущее неопределенно; она понятия не имеет, что ждет ее впереди. Вдруг появляется муж, и, горделиво поигрывая мускулами, объявляет, что, благодаря его физической силе, семья не пропадет. В другом эпизоде молодая мама успокаивает испуганного ребенка, что, хотя нехорошие люди и выгнали их из дома, они в конце концов туда вернутся. Эта тема развивается и в другом рассказе, где мать говорит дочери, что их бегство дает им возможность посмотреть мир; огни большого города производят на мать и дочь ошеломляющее впечатление. В других рассказах Шведер возвращается к теме обезумевшей женщины, цепляющейся за

---

[13] Сравн., например: Peter Loizos, The Heart Grown Bitter: A Chronicle of Cypriot War Refugees, CUP, Cambridge, 1981, особенно стр. 176-181. Здесь уместно также упомянуть работу Розы Гликман и Кристин Воробец, рассматривающую возникновение социальных ролей женщины в семье, деревенском хозяйстве и обществе до 1914 года (см. их статьи в Clements, et al., eds., Russian Women).

[14] Свидетели указывали на безумные поступки некоторых матерей, которые, не в состоянии справиться с трудностями, бросали или даже убивали собственных детей. О «хороших» матерях – «несчастная мать с ребенком на руках» – см. газету «Югобеженец», No 24, 16 мая 1916 г., с. 1.

[15] Иногда беженцы пытались сыграть на ощущении собственной беспомощности и бессилия. Представители еврейского кагала в Тернополе умоляли российских генералов оставить еврейских гражданских лиц в покое «ради наших детей, наших слабых женщин, наших беспомощных стариков». В этой просьбе содержится намек на то, что царские войска обижают беззащитных людей, но также и на то, что мужчины-руководители еврейского сообщества не способны его защитить.

[16] Перу Евгения Шредера принадлежат несколько популярных книг о природе («Наши ягоды»; «Подземные жители»; «Империя рыб», и др.).

[17] Беженкам тоже иногда разрешалось быть «контуженными». Сравните, например, рассказ о молодой беженке, которая в ходе интервью с газетчиком вдруг пугается громкого звука, который (как она объясняет позже) напомнил ее артиллерийскую канонаду. «Беженец», No 3, 25 октября 1915 г.

жизнь, несмотря на болезнь и отсутствие лекарств. «Столько слез, столько горя – почему ты не сжалился над нами?» – обращается мать к Господу Богу, держа на руках умирающее дитя[18].

Шведер не одинок в построении иерархии беспомощности по половому признаку. Сами беженцы тоже, на примере собственного опыта, показывают, каким образом, даже в разгар социальных потрясений, можно сохранить предписанное распределение социальных ролей между полами. В рассказе православного священника Ветлина («Я боюсь») брат спасает сестру, молоденькую девушку, перевозя ее в безопасное место через реку. Молодой человек смел, решителен и полон ответственности; девушка же беспомощна, наивна и доверчива[19]. Молодой американский фермер, Майкл Зайтунсян, описывает, как турки его истязали и разлучили с семьей. Майклу хотелось плакать, «но я взял себя в руки и удержался от слез; я понимал, что я не женщина и должен вести себя иначе». Поэтому он вышел и убил турецкого солдата, захватившего в заложники женщин и детей. Подобные мелодраматические повествования помогали восстановить веру в незыблемость границ социальных ролей полов[20].

Английская сестра милосердия Виолетта Терстан также проводит четкое различие между обоими полами. В своих чрезвычайно ценных воспоминаниях очевидца она старательно описывает эти различия для того, чтобы выделить специфические потребности беженок: «дай старикам щепотку табаку и компанию старых приятелей, и им больше ничего не нужно; кроме того, они, наверное, все-таки более привыкли к переездам и перемене мест, чем женщины, которые, кажется, ужасно тоскуют по привычному местечку возле очага и знакомым домашним вещам»[21]. Столь четкие различия требовали и различного отношения к обоим полам. Отсюда считалось необходимым вернуть беженкам ощущение смысла жизни, предлагая им привычные «домашние» заботы, которые бы удовлетворили их тягу к домашнему хозяйству. Женщинам выдавали крохотные пособия, чтобы они могли покупать еду членам своих семей. Терстан утверждает, что в данном случае важен был не размер выплаты и не то, что общественные кухни гораздо эффективнее справились бы с приготовлением пищи, а то, что женщины получали возможность вести активную жизнь и сохранять чувство собственного достоинства, которое идет у них рука об руку с выполнением обязанностей по дому[22].

Подобный дифференцированный подход по половому признаку существовал и в детских колониях, организованных Татьянинским комитетом и делавшим особый упор, ставший модным в Англии в поздний период правления короля Эдуарда, на занятия на свежем воздухе, контактные виды спорта и купание. Для начала, в них исповедовалось строжайшее разделение полов. В Воронеже девочек учили заправлять свои постели и содержать в чистоте спальни. Занятия на открытом воздухе также не были забыты и ни в коем случае не отдавались на волю случая: старшие девочки собирали ягоды для местных крестьян, которые платили им по 50 копеек за 8-часовой рабочий день. Мальчикам же выдали удочки, поскольку «рыбалка … их самое любимое занятие». О каких-либо домашних обязанностях для мальчиков ничего сказано не было[23].

---

[18] Шведер, “Беженцы”, с. 4-7, 11, 24.

[19] Священник Ветлин, “Беженцы», рассказ («Тверские епархиальные ведомости», Тверь, 1916). Конец рассказа трагичен; и брат, и сестра гибнут от немецкой пули: «и последней Ваниной мыслью было, что они, наконец, ушли от врага. Они были спасены».

[20] “Как и почему стали мы убийцами и грабителями», издание Армянского национального бюро, Москва, 1917 г., с. 6. Этим проблемам в значительной степени посвящена работа Маргарет Хигонне. См.: Margaret Higonnet, «Not so quiet in no-woman's land», in Cooke and Woolacott, eds., Gendering War Talk, pp. 205-226.

[21] Violetta Thurstan, The People Who Run, London, 1916, p. 38. Поездка Виолетты Терстан в Россию стала возможна благодаря поддержке Национального союза обществ суфражисток (NUWSS).

[22] Thurstan, The People Who Run, p. 59.

[23] Другие подробности см. в: «Известия Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны», 10, 15 октября 1916 г., с. 14-15.